

Патрушев Сергей

Архитектор империй

Сергей Патрушев

Архитектор империй

«Автор»

2026

Патрушев С.

Архитектор империй / С. Патрушев — «Автор», 2026

Артем — талантливый логист, запертый в клетке бедности и офисной рутины. Когда его бросает девушка ради владельца шиномонтажа, Артём решает взломать систему: он не хочет просто денег, он жаждет абсолютной свободы. Путь наверх начинается с пластиковой папки и дешёвого костюма, но быстро превращается в жестокую игру без правил. Чтобы попасть в закрытый мир миллиардеров, ему придётся сменить не только одежду, но и собственную ДНК. Это история о том, как выковать характер из стали, научиться управлять чужими империями и превратить свою жизнь в идеальный бизнес-проект. Но главный вопрос остаётся открытым: поднявшись на сорок второй этаж небоскреба, сможет ли он дышать этим воздухом, не забыв вкус чёрного хлеба?

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кто такой «богатый мужчина» и где он прячется	5
Глава 2. Ваш образ: как выглядеть дорого, но не вульгарно	11
Глава 3. Язык тела и уверенность: как войти в комнату, где все богаты	17
Глава 4. Где и как познакомиться: 10 реальных локаций	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Архитектор империй

Глава 1. Кто такой «богатый мужчина» и где он прячется

Пыль оседала на лакированном носке туфли из кожи аллигатора ровно три секунды. Артем знал это точно, потому что последние двадцать минут его жизнь сузилась до этого крошечного отрезка времени: падение частицы — взгляд на часы в смартфоне под столом — вдох — выдох. Пятьдесят два цикла.

Он сидел в приемной генерального директора холдинга «Синтез-Групп», сжимая в потных ладонях пластиковую папку с резюме. Папка была дешевой, купленной по дороге в переходе за сто рублей. На ней красовалось жирное пятно от пролитого уличного кофе. Внутри лежал лист А4, распечатанный на офисном принтере, который жевал бумагу и оставлял серые полосы вдоль полей. Текст гласил: «Специалист отдела логистики. Стабильность, исполнительность, готовность к переработкам».

Напротив Артема, через пустой стеклянный стол, утопающий в полумраке дорогого ковролина, сидела женщина. Она не смотрела на него. Ее глаза цвета остывшего пепла были устремлены на панорамное окно сорок второго этажа, за которым Москва-река расчерчивала город грязно-серой веной. Женщина была одета в костюм, цена которого, вероятно, равнялась годовой зарплате Артема со всеми премиями. Но дело было даже не в цене. Дело было в том, как ткань драпировалась на ее плечах — без малейшего усилия, подчиняясь гравитации с какой-то оскорбительной грацией.

Это был первый фильтр. Первый уровень сепарации богатых мужчин от всех остальных. Не деньги сами по себе — цифры на счетах для большинства людей остаются абстракцией, — а то пространство, которое эти деньги расчищают вокруг своего владельца. Пространство, куда не долетает пыль.

Артем ненавидел эту женщину, этот кабинет, эту тишину, которая звенела в ушах громче любой сирены скорой помощи, и больше всего он ненавидел себя. Себя, стоящего на пороге своих тридцати двух лет с пластиковой папкой и пятном от растворимого кофе. Он работал в логистике восемь лет. Он знал, как оптимизировать маршрут фуры, чтобы сэкономить компании триста литров дизеля в месяц. Он мог по звуку двигателя определить неисправность рефрижератора. Его мозг был забит кодами ТН ВЭД, графиками поставок и дебиторской задолженностью. И все эти гигабайты полезнейшей информации сейчас весили меньше, чем одна молекула пыли, опускающаяся на ботинок из кожи убитой рептилии.

— Виктор Степанович освободится через четыре минуты, — бесцветным голосом произнесла женщина, не поворачивая головы. — Рекомендую убрать телефон. Он считает вибрацию на столе признаком нервного тика.

Артем вздрогнул и судорожно заблокировал экран. Четыре минуты. Сорок восемь падений пыли.

Где прячутся богатые мужчины? Этот вопрос мучил его бессонными ночами после того, как Лена ушла к владельцу трех шиномонтажных мастерских. Ушла буднично, оставив записку на холодильнике, прилепленную магнитом в виде половинки авокадо. «Тема, мне нужна опора. Ты хороший, но мы стоим на месте».

Стоят на месте. Артем тогда оглядел их съемную однушку в Бибирево: обои с золотистым напылением, уже пошедшие пузырями у батареи; диван, просевший посередине; запах пригоревшей гречки из соседской вентиляции. Они не стояли на месте. Они тонули. Медленно, незаметно, день за днем погружаясь в ил бытового бессилия. А владелец шиномонтажей купил

ей машину. Пусть подержанную иномарку, но она стояла во дворе — твердая, материальная точка опоры, о которой можно опереться локтем.

Первый тип богатого мужчины, самый очевидный и самый недоступный — Наследник. Тот, кто родился в слое стратосферы, где кислорода достаточно, а давление реальности не способно сплющить грудную клетку. Сын Виктора Степановича, чью пыль сейчас изучал Артем, был классическим представителем этого вида. Иннокентий. Имя само по себе было актом агрессии против пролетариата. Иннокентию было двадцать пять, и он ни разу в жизни не заполнял налоговую декларацию самостоятельно.

Наследники не прячутся. Зачем прятаться тому, чей дом — весь мир? Их среда обитания — это витрина. Закрытые вечеринки на крыше отеля Ritz, где шампанское стоит как почка, благотворительные балы в пользу амурских тигров, куда они приходят не спасать тигров, а показать новую жену. Они перемещаются между Москвой, Куршевелем и Мальдивами так же легко, как Артем перемещался между холодильником и диваном. Для них нет границ, есть только часовые пояса и очереди на паспортном контроле частных терминалов (FBO).

Артем однажды видел такого наследника вблизи. В Шереметьево, в бизнес-зале. Парень в мятых льняных штанах за тридцать тысяч рублей играл в приставку, пока его частный джет заправляли керосином стоимостью в годовую ипотеку Артема. Лицо наследника выражало абсолютную, кристаллизованную скуку. Это была скука человека, которому никогда не нужно было ждать. Ожидание — главный признак бедности. Богатые наследники платят временем. Все остальные платят ожиданием.

Второй тип — Предприниматель. Созидатель. Человек, который продал свою молодость, здоровье, нервы жены и отношения с детьми в обмен на право смотреть на мир с сорок второго этажа. Виктор Степанович, ожидающий Артема за дубовой дверью, был именно таким.

Предприниматели прячутся в работе. Их нельзя встретить на дискотеке у дома или в районной пивнушке. Их естественная среда обитания пахнет озоном от кондиционеров, дорогой кожей и легким оттенком паранойи. Бизнес-форумы в Центре международной торговли — вот их охотничьи угодья. Там они ходят стадами, сбиваясь в плотные группы вокруг микрофонов, хищно вслушиваясь в графики роста EBITDA.

Они носят костюмы, которые стоят дороже, чем квартиры большинства зрителей этих форумов, но пиджаки всегда сидят на них чуть мешковато, словно одежда им малознакома, словно тело привыкло к джинсам в гараже или треникам перед монитором сервера. У предпринимателя особый взгляд — рентгеновский. Когда он смотрит на вас, он не видит человека. Он видит ресурс. Набор компетенций, рисков и потенциальной прибыли. Если вы не можете принести ему денег или сэкономить его деньги, для вас просто перестают существовать молекулы воздуха в радиусе пяти метров от него. Вы становитесь невидимым. Как сейчас стал невидимым Артем со своей папкой.

Третий вид — Топ-менеджер. Наемная аристократия. Золотая клетка. Это люди вроде бывшего начальника Артема, который пересел из корпоративного Ford Focus в Porsche Taycan лизинговый. Топ-менеджеры прячутся в иллюзии собственной значимости. Их территория — VIP-ложи стадионов, куда их приглашают спонсоры контрактов; гольф-клубы в подмосковных полях, где они учатся делать свинг, хотя всю жизнь мечтали играть в футбол во дворе; дорогие рестораны на Патриках, где они проводят деловые обеды, громко обсуждая сделки по телефону, чтобы окружающие видели ценник на спинке стула. Топ-менеджер отчаянно хочет быть предпринимателем, но боится риска. Он берет кредит на сумку Hermes своей жене, чтобы соответствовать уровню тех, кому сумки дарят. Он живет в состоянии постоянного стресса, потому что над ним всегда висит фигура первого типа — Акционер. И акционеру плевать на экзистенциальные кризисы топ-менеджера. Акционеру нужен квартальный отчет. Топ-менеджеры — самые тревожные обитатели финансового олимпа. Они знают вкус икры, но постоянно чувствуют привкус пепла во рту, потому что понимают: один неверный шаг, один провал

проекта — и их спустят обратно туда, откуда они так долго карабкались. Прямо в отдел логистики с пластиковыми папками.

Четвертый тип — Инвестор. Финансовый хищник высшего порядка. Самый трудный для идентификации в естественной среде. У инвестора может не быть личного самолета. У него вообще может почти ничего не быть в физическом мире, кроме ноутбука и паспорта Сент-Китс и Невис. Инвесторы прячутся в цифрах. Они живут в матрице графиков Bloomberg, в закрытых чатах Telegram, где курс биткоина обсуждается шепотом, и в залах арбитражных судов. Их редко встретишь на светских раутах, если только они не являются площадкой для заключения теневых сделок. Настоящий инвестор сидит в тени. Он пьет обычный эспрессо в неприметной кофейне рядом с биржей, пока его алгоритмы обваливают акции какого-нибудь регионального банка. Или он сидит на террасе виллы на Ибике, лениво водя пальцем по экрану iPad, переводя миллионы долларов из нефтяных фьючерсов в редкоземельные металлы. Для инвестора человек — это волатильность. Эмоции — это шум, мешающий отслеживать тренд. Найти инвестора специально невозможно. Можно лишь случайно оказаться в той сделке, которую он решил прогреть через общих знакомых. Они появляются из финансовой пустоты, забирают свое и исчезают, оставляя после себя только новые курсы валют и разорившихся конкурентов.

Спортсмены и деятели искусств — пятый и шестой типы. Особая каста. Люди, чьи тела или таланты стали краткосрочным месторождением нефти. Футболисты хоккеисты прячутся в реабилитационных центрах и за высокими заборами загородных поселков вроде Барвихи. Их время исчисляется контрактами. Сегодня ты забиваешь решающий гол в финале Кубка Гагарина, завтра твоя коленная чашечка рассыпается в труху, и ты вылетаешь из списка Forbes быстрее, чем успел купить третий Range Rover. Их богатство часто показательно, крикливо, лишено фундамента. Огромные суммы наличных, спускаемые в казино Монте-Карло, огромные чаевые официантам, золотые цепи поверх спортивных костюмов — это попытка потратить деньги быстрее, чем те закончатся вместе с карьерой. Они собираются в VIP-ложах арен, охраняемые секьюрити, потому что вне льда или ринга они часто оказываются абсолютно беспомощны перед миром взрослых цифр. Люди творческих профессий — режиссеры модного кино, модные художники, архитекторы хай-класса — прячутся в другом. Они прячутся в элитарности. Вы не найдете их в массовых сетях. Они сидят на открытиях выставок современного искусства в «ГЭС-2», где смысл инсталляции заключается в мигающей лампочке, но билет стоит десять тысяч рублей. Они пьют биодинамическое вино в подвалах Плющихи. Их капитал — социальный. Доступ к ним закрыт стеной снобизма. Чтобы богатый режиссер заметил тебя, ты должна понимать разницу между скандинавским нуаром и южнокорейской новой волной, причем понимать ее кончиками пальцев, транслируя интеллектуальное превосходство каждым движением ресниц.

Вывод, к которому Артем пришел спустя год бесплодных попыток сменить социальный слой, звучал жестоко, но математически точно: богатые не бывают там, где бываете вы.

Они не ездят в метро. Даже в первом вагоне. Метро — это система принудительного равенства, пресс, утрамбовывающий баронов и нищих в одну душную банку. В замкнутом пространстве тоннеля разница между владельцем корпорации и курьером самоката стирается до уровня биологических функций. Богатые боятся таких мест на физиологическом уровне. Им некомфортно, когда чужое плечо касается их кашемирового пальто.

Их нет в районных торговых центрах по субботам. Нет в бюджетных сетевых супермаркетах, где пенсионеры высчитывают копейки на кефир. Нет в городских поликлиниках. Нет на общедоступных катках в парках культуры.

Богатый мужчина существует в пузыре фильтрованного воздуха. Дискотека у вашего дома — это место столкновения энергий, хаоса, пота и случайных связей. Там нет контроля. А контроль — это фундамент богатства. На дискотеке у дома нельзя гарантировать, что бокал

вина будет нужной температуры, что стул не окажется шатким, а собеседник не выстрелит в тебя из травматического пистолета из-за косого взгляда.

Мир богатых — это архитектура исключения. Закрытые клубы. Места, куда нельзя зайти с улицы, даже если у вас в руках пачка наличных. Нужна рекомендация. Нужно портфолио. Нужно доказать, что вы принадлежите к их виду биологически, а не мимикрируете. Артем читал про такие места: сигарные комнаты в башне «Федерация», где воздух увлажнен до сорока процентов влажности для правильного горения табачного листа; винные погреба с температурой, поддерживаемой швейцарскими системами климат-контроля; покерные игры, где входной билет стоит миллион рублей. Там решаются судьбы отраслей, пока обычные люди решают судьбу яичницы на завтрак.

Благотворительные вечера. Идеальный камуфляж. Деньги здесь выступают не как цель, а как инструмент добродетели. Фонд защиты чего-нибудь исчезающего. Покупка лота — картины молодого дарования за пять миллионов — это не покупка краски на холсте. Это покупка социального статуса. Здесь инвесторы встречаются с предпринимателями, а наследники ищут невест с правильной родословной. Артем пытался однажды попасть на подобный аукцион в качестве фотографа-фрилансера. Его развернули на входе, потому что объектив его камеры выглядел недостаточно профессионально. Объектив. Кусок стекла определил его ценность ниже стоимости пригласительного билета.

Частные яхты. Вода — лучший сепаратор в мире. Пока вы добираетесь до яхты на тендере, девяносто процентов случайных людей отсеивается из-за морской болезни или отсутствия нужных документов в порту марины. Яхта — это автономная территория государства «Я». Там свои законы, свой алкоголь, свои женщины и своя юрисдикция. В территориальных водах Италии на борту судна под флагом Каймановых островов действуют правила, написанные владельцем. И эти правила начинаются с фразы: «Вам здесь не рады».

Гольф-клубы. Искусственно замедленное пространство. Игра, созданная для того, чтобы разговаривать во время ходьбы, но ходить так медленно, чтобы успевать обсудить поглощение конкурента. Поле для гольфа — это идеальная площадка для сканирования партнера. Как он реагирует на проигранную лунку? Злится, ломая клюшку (бедный эмоционально)? Или спокойно допивает воду и делает пометку в блокноте (опасный, хладнокровный)? Богатые мужчины прячутся там от суеты. Суета — удел тех, кто работает за часы. Богатые работают за сезоны.

Курорты. Мальдивы зимой. Куршевель в январе. Сен-Тропе в августе. География богатства привязана не к странам, а к климатическим окнам. Когда в Москве слякоть и реагенты превращают обувь в химическую руину, владельцы этой обуви находятся там, где песок белее бумаги в офисе Артема, а снег хрустит так, будто наступаешь на битый фарфор. Эти места нужны не для отдыха. Отдых — это смена деятельности. Поездка на Мальдивы для богатого мужчины — это аудит окружения. Там отслаиваются фальшивые друзья, ненужные партнеры и жены, чей коэффициент полезного действия упал ниже рыночной доходности облигаций.

Виктория — та самая женщина-пепел в приемной — кашлянула. Звук был сухим и стерильным, как шелест банковской выписки. — Время вышло, — сказала она.

Дверь кабинета распахнулась. На пороге стоял парень в кроссовках ограниченной серии, которые Артем видел только на картинках в интернете. Иннокентий. Он мельком взглянул на Артема, и в этом взгляде не было презрения. Презрение — это эмоция, требующая затрат энергии. В глазах наследника была пустота. Артем для него был частью интерьера, вроде фикусной кадки или пожарной сигнализации. Просто фон, подтверждающий факт его, Иннокентия, существования на более высокой ступени пищевой цепи.

— Заходите, Артем, — раздался из глубины кабинета голос, похожий на скрежет щебня в бетономешалке.

Артем поднялся. Ноги затекли. Он сделал шаг, чувствуя, как дешевая подошва его туфель намертво прилипает к ворсу ковролина, пытаясь забрать его с собой, оставить хоть какую-то память о своем присутствии в этом храме непотопляемых.

Кабинет подавлял. Панорамное окно открывало вид на Москву, которая отсюда казалась не городом, а схемой электрических цепей. Сам хозяин кабинета, Виктор Степанович, сидел не за столом, а в глубоком кожаном кресле у бара. Перед ним стоял стакан с янтарной жидкостью, в которой медленно таял единственный куб льда идеальной формы.

— Садитесь, — кивнул Виктор на кресло напротив. — Папку бросьте на пол. У меня аллергия на канцелярский клей.

Артем сел. Кресло поглотило его, заставив почувствовать себя десятилетним ребенком. Он оказался ниже собеседника, несмотря на то что физически был выше ростом. Очередной психологический трюк капитанов индустрии.

— Логистика, значит, — Виктор покрутил стакан, наблюдая, как тает лед. — Знаешь, сколько стоит минута простоя моего цементного завода? — Около ста двадцати тысяч рублей, — ответил Артем, не поднимая глаз. Цифры были единственной территорией, где он чувствовал себя уверенно. — Сто восемнадцать двести, — поправил Виктор. — Из-за одной бракованной детали, которую твой предшественник забыл проверить в порту Санкт-Петербурга, я вчера потерял шесть лайфтаймов. Почти полтора миллиона. За ошибку, уместившуюся в граммах металла.

Виктор замолчал. Артем слышал, как за окном на огромной высоте воет ветер. Где-то там, внизу, сигналили машины, ругались пешеходы, курьеры везли бургеры. Другой мир. Другая гравитация.

— Почему я должен взять тебя? — спросил наконец Виктор. — У тебя в резюме написано «стабильность». Мне не нужна стабильность. Стабилен труп. Мне нужна скорость реакции. Предсказание хаоса. Мой сын вон играет в плейстейшн. Моя жена покупает сумочки, которые стоят как контейнер твоих запчастей. Они думают, что мои деньги — это деревья, на которых растут купюры. А это кровь. Каждое утро я просыпаюсь и понимаю, что сегодня чья-то ошибка — моя головная боль, а чья-то смерть на войне — мой скачок цен на сырье.

Артем сглотнул ком в горле. Пятно на его папке казалось сейчас самым честным и живым предметом в этой комнате. Оно было результатом физического контакта с миром. Случайностью. Ошибкой. Тем, чего в этом кабинете старались избегать любой ценой.

— Я знаю коды, — тихо сказал Артем. — Я знаю, как проходят таможенные очистки. Я могу найти груз, который потерялся в системе. Я умею считать риски. — Умеешь считать риски? — Виктор усмехнулся, обнажив зубы, слишком ровные для естественного происхождения. — Риск — это когда ты ставишь на кон квартиру бабушки, берешь кредит под залог единственного жилья и открываешь палатку с шаурмой, надеясь, что торговый центр не закроют. Вот это риск. А потерять сто восемнадцать тысяч в минуту — это статистика.

Хозяин нажал кнопку на селекторе. — Виктория, отмени следующего. И вызови ко мне начальника службы безопасности. Скажи, пусть проверит парня из логистики. Всю подноготную. До детского сада.

Виктор перевел взгляд на Артема. Взгляд перестал быть скучающим. В нем появился холодный, исследовательский интерес патологоанатома.

— Ты хочешь сюда, мальчик? Хочешь дышать этим воздухом? — Он указал стаканом на панорамное окно. — Запомни раз и навсегда. Мы тут не прячемся. Нам не от кого прятаться. Мы строим стены. Высотой в сорок два этажа. Толщиной в банковскую гарантию. Те, кого ты назвал «топ-менеджерами», грызут друг другу глотки за мое кресло. Наследники прожигают то, что я построил кровью. Инвесторы ждут, когда я ошибусь, чтобы сожрать мою компанию. Спортсмены покупают моим именем свои железки.

Виктор наклонился вперед. Впервые за весь разговор расстояние между ними сократилось. Артем почувствовал запах дорогого парфюма и едва уловимый аромат страха — собственного страха.

— Хочешь стать богатым мужчиной? — прошептал Виктор. — Перестань искать, где мы прячемся. Начни думать, что ты можешь построить такое, за что нам придется платить. Мир делится не на богатых и бедных. Он делится на тех, кто платит чек, и тех, кто приносит сдачу. Сейчас ты — сдача. Мелочь, которая бренчит в кармане.

Он выпрямился и отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция окончена. Разговор был не собеседованием. Это был сеанс социальной химиотерапии. Проверка на совместимость тканей.

— Виктория проводит тебя вниз, — бросил Виктор через плечо, не оборачиваясь. — Охране скажешь, что заходил на вакансию курьера. Понял? Курьера. Иди.

Артем встал. Ноги дрожали. Он поднял с пола пластиковую папку. Поднял и замер. На идеально чистом кремовом ковролине остался отпечаток. Мокрый след от резиновой подошвы его дешевого ботинка. Маленький островок реальности посреди искусственного рая.

Он вышел из кабинета, плотно закрыв за собой массивную дверь. Виктория-пепел скользнула по нему взглядом, затем посмотрела на свои ногти и снова уставилась в никуда.

Спускаясь в зеркальном лифте, глядя на собственное отражение, искажающееся и дробящееся на десятки тусклых копий, Артем впервые понял фразу Лены про «стоять на месте». Дело было не в Лене. Дело было не в шиномонтажнике с его опорой. Дело было в законе всемирного тяготения, примененном к социологии.

Если ты не летишь вверх с ускорением свободного капитала, ты падаешь. А внизу, на асфальте, где парковались такси и курили охранники бизнес-центра, ждали другие люди с пластиковыми папками. Люди, которые думали, что богатые мужчины прячутся в гольф-клубах и на Мальдивах.

Но правда заключалась в том, что богатые мужчины нигде не прятались. Они жили в другой физической реальности. Реальности, где гравитация работала иначе, а пыль просто не имела права на существование. И чтобы попасть туда, недостаточно было знать адрес клуба или купить правильный галстук. Нужно было научиться самому генерировать тот вакуум, который отталкивал бы от тебя грязь внешнего мира.

Лифт мягко звякнул, останавливаясь на первом этаже. Створки разъехались, впуская гул голосов, запах мокрой одежды и звук городской тревоги. Артем шагнул наружу, прямо в осеннюю лужу, даже не попытавшись ее обойти. Холодная вода мгновенно пропитала дешевые туфли.

Он достал телефон. Открыл сайт вакансий. Курьер. Гибкий график. Оплата ежедневная. Возможно, думал Артем, шагая под мелким дождем прочь от сияющей башни, иногда лучший способ изучить устройство замка изнутри — это переодеться почтальоном. Главное — не забыть снять фирменную кепку, прежде чем пытаться открыть дверь ногой. Капля дождя стекла по его щеке, смешиваясь с чем-то соленым. Он торопливо смахнул ее рукавом куртки и зашагал быстрее, сливаясь с потоком таких же темных, сгорбленных силуэтов, спешащих укрыться от непогоды в бетонных коробках спальных районов. Наверху, на сорок втором этаже, за бронированным стеклом, Виктор Степанович сделал еще один маленький глоток, удовлетворенно кивнул своему отражению и набрал короткий внутренний номер. Экосистема пришла в равновесие.

Глава 2. Ваш образ: как выглядеть дорого, но не вульгарно

Дождь смывал с Москвы остатки октябрьского золота, превращая город в серую акварель, размазанную по стеклу. Артем сидел на корточках у двери своей квартиры в Бибирево. Ключ никак не хотел попадать в замочную скважину — пальцы мелко дрожали после разговора с Виктором Степановичем и долгого пути в промерзшей электричке.

Когда дверь наконец поддалась, его встретил запах старой мебели, соседских щей и застоявшегося одиночества. Однушка встретила Артема привычным эхом пустоты. Он щелкнул выключателем. Тусклая лампочка под потолком выхватила из полумрака комнату, которая сегодня выглядела особенно жалкой.

Он бросил мокрую куртку прямо на пол. Пластиковый пакет из масс-маркета, который он прихватил по дороге, глухо ударился о линолеум. Внутри лежало то, что должно было стать его броней. Его входным билетом.

— Естественность, — вслух произнес Артем, вспоминая слова Иннокентия, оброненные им месяц назад в курилке бизнес-центра (куда Артема временно перевели курьером для доставки документов). — Они ценят естественность. Качество тканей. Минимализм. Никаких кричащих логотипов.

Иннокентий тогда стоял, прислонившись к стене, одетый во все черное. На нем была футболка без единого принта, которая при этом сидела так, словно еешили прямо на теле, учитывая каждую молекулу воздуха между тканью и кожей. Артем знал, сколько она стоит. Двадцать тысяч рублей. За кусок хлопка. В мире Артема за эти деньги можно было купить три пары вполне приличных джинсов на распродаже. Но Иннокентий смотрел на Артема, на его новый галстук со слишком крупным узором, купленный на радиорынке, и в глазах наследника плескалась смесь брезгливости и скуки.

— Ты выглядишь так, будто очень стараешься, Темыч, — сказал тогда Иннокентий, стряхивая пепел мимо урны. — А человек, которому есть что терять, никогда не старается казаться тем, кем не является. Статус не нужно доказывать окружающим. Окружающие сами начинают суетиться, чтобы доказать статус тебе.

Сейчас, стоя посреди своей комнаты перед зеркалом на дверце шкафа, Артем видел результат этих «усилий». На кровати были разложены трофеи вчерашнего набега на торговый центр. Рубашка пронзительно-голубого цвета, от которой электризовались волосы. Галстук из скользкого синтетического шелка с диагональными полосками. Туфли с длинным, хищно загнутым носом, покрытые слоем лака, напоминающим эпоксидную смолу. И венец творения — ремень с огромной буквой «В», выдавленной на квадратной золотой пряжке размером с банковскую карту.

Вульгарность. Слово всплыло в памяти само собой. Так определяла это Лена, когда они еще жили вместе и проходили мимо витрин ЦУМа. Она замирала там, глядя на манекены, затянутые в строгие бежевые тренчи. — Смотри, — говорила она. — Ни одного камня. Ни одной заклепки. Просто ткань. Но если подойти ближе, видно плетение. Видно, как падает свет. Это стоит как наша машина, Тема. Потому что оно ничего никому не доказывает.

Лена ушла полгода назад, но ее эстетический фильтр въелся в мозг Артема ржавым гвоздем. Он посмотрел на свой наряд охотника за богатыми невестами. Этот костюм не просто кричал. Он орал благим матом в рупор отчаяния. Любой охранник элитного ресторана вычислит бы в нем чужака быстрее, чем тот успел бы открыть меню.

Артем сгреб одежду в мусорный мешок. Завязал тугим узлом и выставил за дверь. Утром вынесет на помойку.

Проблема заключалась в том, что денег на правильную броню у него не было. Зарплата логиста таяла, едва коснувшись банковской карты. Оставался только резервный фонд — те самые триста тысяч, которые он откладывал пять лет на первый взнос за ипотеку в челолейнике за МКАДом. Теперь этот взнос казался ему самым смешным анекдотом в мире. Какая ипотека? Ему нужен был пропуск в другую атмосферу.

Ткань. Осанка. Парфюм. Маникюр. Четыре столпа, на которых держится иллюзия принадлежности. Артем открыл ноутбук. Если он не может купить оригинал, он должен изучить физику оригинала до последнего атома.

Первым пал минимализм. Артем погрузился в бездны форумов портных с Савил-роу, старых миланских ателье и современных скандинавских брендов, названия которых звучали как диагнозы.

Цвет. Богатые не носят цвет в повседневности. Цвет — это эмоция, а сильные эмоции мешают управлять активами. Палитра их гардероба состояла из оттенков пыли, асфальта, старого дерева и горького шоколада. Графитовый, темно-синий (navy), оливковый, верблюжий. Никаких черных костюмов, если ты не гробовщик или агент спецслужб. Черный цвет в дневном свете дешевит ткань, обнажая любую неровность плетения. Самый дорогой черный — это глубокий, поглощающий свет графит.

Крой. Артем измерил свои старые рубашки. Они висели на нем мешками, пузырились на спине, собирались складками вокруг пуговиц. Дешевая одежда всегда велика. Производители экономят лекала, делая вещи универсально-безымянными, чтобы влез любой размер. Дорогая вещь должна быть незаметна. Ее главная задача — создать идеальный человеческий силуэт, не привлекая внимания к себе. Плечи пиджака должны заканчиваться ровно там, где заканчивается ваша плечевая кость. Не шире. Рукав сорочки должен показывать ровно полсантиметра манжеты из-под рукава пиджака. Ни сантиметром больше — иначе вы выглядите как ребенок, donaшивающий одежду старшего брата.

Фактура. Вот где крылась настоящая магия. Артем заказал образцы ткани через интернет-магазин премиального текстиля. Через два дня почтальон принес плотный конверт. Внутри лежали маленькие квадраты материи. Обычный полиэстер из масс-маркета был гладким, холодным и мертвым. Он отражал свет одним плоским бликом. Образцы, которые держал сейчас Артем, жили. Шерсть Super 150s — тонкая настолько, что казалась прохладным дыханием. При трении пальцем она издавала чуть слышный скрип, почти шелест. Кашемир не блестел, он мягко рассеивал свет, уходя вглубь волокон. Лен имел крошечные узелки, нарочитую помятость, которая на дешевой рубашке выглядит как неряшливость, а на дорогой — как благородная усталость материала.

«Никаких кричащих логотипов», — вспомнил Артем. Логотип — это страх производителя, что вы не поймете, насколько вещь дорогая. Hermes не пишет слово «Hermes» поперек сумки Birkin. Они ставят крошечное металлическое клеймо внутри, которое знает только тот, кто имеет право открывать эту сумку. Вы покупаете форму, качество швов и геометрию, а не рекламный баннер.

Денег на Brioni у Артема не было. Но теперь он знал врага в лицо. Он нашел небольшое семейное ателье в полуподвальном помещении на Патриарших прудах. Вывески не было — только латунная ручка в форме львиной лапы.

Мастер, седой армянин Ашот Суменович, смерил Артема взглядом рентгеновского аппарата. — Хочу костюм, — сказал Артем. — Чтобы сидеть здесь, — он постучал себя по груди, — а не висеть. — У тебя бюджет на хороший костюм или на аренду моего времени? — хрипло спросил Ашот, раскуривая старую трубку. Комната наполнилась ароматом вишневого табака. — На время, — твердо ответил Артем, внутренне прощаясь с мыслью о собственном жилье.

Следующие три часа стали для него курсом молодого бойца невидимого фронта. — Спина, — Ашот цеплял булавки прямо к рубашке Артема. — Видишь пузыри? Твоя спина не ровная. Офис сделал из тебя вопросительный знак. Мы сделаем шлицу глубже, визуально вытянем вертикаль. Человек с прямой спиной вызывает доверие на подсознательном уровне. Это биология. Хищник всегда ходит прямо. — Брюки. Никакой защитной ширинки. Это деревенский стиль девяностых. Скрытая гульфик-петля. Талия высокая, естественная. Ремень? Забудь. Правильные брюки сидят на костях таза. Им не нужны подпорки. Если штаны спадают — значит, задница плоская. Работай над телом, а не над ремнями. — Рукав. Три пуговицы на манжете. Функциональные. Петли прорезаются вручную. Застегивай две, иногда одну. Никогда все четыре, если ты не Луи XIV. Это дает возможность засучить рукав на один сгиб. Показывает готовность к работе. Аристократия вышла из рыцарства, мальчик. Даже сидя в совете директоров, они должны чувствовать, что могут вытащить меч.

Ашот работал молча, лишь изредка цокая языком. Он перекраивал реальность Артема миллиметровыми движениями мела. Когда мастер закончил, Артем взглянул в зеркало. Из мутного стекла на него смотрел другой человек. Плечи развернулись сами собой, потому что пиджак физически не давал им сутулиться. Ткань цвета мокрого антрацита не имела никакого блеска, но ловила свет люминесцентных ламп и растворяла его в глубине. Силуэт стал жестким, графичным.

Это стоило ему ста двадцати тысяч рублей. Две трети ипотечного взноса. — Привыкай к тяжести карманов, — сказал Ашот на прощание, протягивая тяжелую деревянную вешалку. — Когда одежда весит мало, человек начинает таскать в ней всякую дрянь: телефоны, ключи, пачки сигарет. Вес настоящего шерстяного костюма должен держать тебя на земле. Не давить, а заземлять.

Второй этап — кожа. Своя собственная. Богатый мужчина живет в среде низкой гравитации стресса. Это отражается на лице. Морщины богатого человека — это линии от улыбок на яхте, а не заломы тревоги между бровями. У них нет землистого цвета лица, характерного для тех, кто спускается в метро в шесть утра.

С этим было сложнее. Артем купил абонемент в подвальную качалку рядом с домом — не для мышц, а для лимфодренажа. Пот выводил токсины недосыпа. Каждое утро он начал с контрастного душа, обжигая кожу ледяной водой до тех пор, пока зубы не переставали стучать. Лицо горело, приобретая оттенок живого мяса вместо офисной бумаги.

Руки. Артем наблюдал за руками Виктора Степановича. Коротко стриженные ногти идеальной формы. Матрица ногтя была идеально чистой. Ни заусенцев, ни грязи, ни облупившегося лака — мужских богатых рук выдает не маникюр в салоне с сушкой под лампой, а стерильная гигиена и отсутствие мелких бытовых травм. Богатые не двигают мебель сами. Их руки не знают заноз и ожогов от сварки.

Артем купил стеклянную пилочку и масло для кутикулы. Каждый вечер, сидя перед телевизором, он приводил руки в порядок. Старая секретарская привычка к опрятности, которую вбивали в него в начале карьеры, вдруг стала стратегическим оружием. Он перестал грызть заусенцы. Нервная привычка исчезла сама собой, как только он понял: хаос на руках транслирует хаос в голове. А инвестор платит за предсказуемость.

Зубы. Отбеливание пришлось отложить, но Артем купил ирригатор. Запах изо рта — самый быстрый способ разрушить имидж непробиваемого профессионала. Жвачка исключена. Только мятные драже в металлической коробочке, которые нужно незаметно положить на язык и дать им растаять.

Третий фронт — химия пространства. Парфюм. Здесь Артем совершал ошибки трижды. Сначала он пользовался масс-маркетом — сладкими, компотными ароматами, которыми пах-

нет половина вагона в час пик. Затем перешел на тяжелые удовые масла, полагая, что густота запаха равна его стоимости. От него шарахались люди в лифте.

Истина оказалась в концентрации и химии кожи. — Ты хочешь пахнуть деньгами? — спросила его консультант в нишевой парфюмерии, женщина с серебряными волосами, собранными в небрежный пучок. — Деньги ничем не пахнут. Пахнет власть. А власть — это сухое дерево, холодный металл, старая бумага и немного животного мускуса, чтобы напомнить собеседнику, что ты все еще млекопитающее, готовое защищать территорию.

Она наносила блоттеры один за другим. Забудьте про громкие верхние ноты. Клубника, цитрусы, огурец — это ароматы для подростков и официантов. База решает всё. Ветивер. Уд. Табак. Кожа. Дубовый мох. Амбра. Артем выбрал композицию, построенную вокруг нот кедра, влажного папируса и черного перца. Аромат был тихим. Шлейф составлял не более полуметра. Чтобы почувствовать его, человек должен был войти в ваше личное пространство. Это создавало интимную зону доверия.

Правило применения: никаких пшиков в воздух и прыжков в облако. Одна доза — одна точка. Под кадыком, где пульсирует тепло яремной вены, прогревая молекулы альдегидов. Или на затылке, под линией роста волос. Тепло тела будет выдавать аромат микродозами в течение двенадцати часов. Окружающие не должны понимать, что на вас парфюм. Они должны думать, что вы сам по себе так вкусно пахнете чистотой, дорогим кондиционером для белья и спокойствием.

Но главным инструментом трансформации оказалась осанка. Виктор Степанович владел цементным заводом, но казалось, что он владеет самим пространством вокруг себя. Он входил в комнату, и молекулы воздуха расступались. Артем начал изучать биомеханику. Позвоночник — это антенна. Если он согнут, сигнал идет в землю. Вы транслируете покорность, усталость, желание спрятаться. Если позвоночник выпрямлен, макушка тянется к потолку, подбородок параллелен полу, а взгляд направлен строго вперед — вы транслируете контроль.

Это требовало физической боли. Мышцы спины, атрофированные десятилетием сидения в кресле логиста, вопили. Он привязал к спинке стула бечевку и заставлял себя сидеть так, чтобы лопатки касались узла. Он ходил по квартире с книгой на голове, роняя Достоевского каждые три шага.

На третьей неделе боль начала уходить. Изменилась походка. Перестал шаркать ногами. Шаг стал короче, но тверже. Перекат стопы с пятки на носок. Богатые мужчины ходят быстро, но их шаг бесшумен. Они не впечатывают подошвы в асфальт, утверждая свое право на тротуар. Они скользят.

Артем практиковался в подземном переходе. Он шел против потока людей, возвращающихся с работы. Серое море усталых лиц, опущенных глаз, сгорбленных спин. Мешочники, курьеры, менеджеры среднего звена. Все смотрели под ноги, в трещины плитки, боясь наступить в лужу. Артем смотрел поверх голов. Прямо. Линия горизонта. Он чувствовал, как взгляды натыкаются на него, соскальзывают и возвращаются снова, недоуменно. Почему этот парень в хорошем пальто (старое пальто тоже пришлось сдать в химчистку и отпарить) смотрит так, будто переход принадлежит ему?

Сборка образа заняла месяц. День, когда пазл сложился, выдался морозным и солнечным. Артем стоял перед зеркалом в прихожей. Графитовый костюм от Ашота Суреновича. Сорочка цвета слоновой кости из египетского хлопка (без нагрудного платка — это уже перебор театральности, достаточно идеальных линий воротника). Матовая обувь ручной чистки — оксфорды, купленные на распродаже аутлета качественной обуви; модель классическая, без лишних дырочек и строчек. Запястье левой руки абсолютно пусто. Богатые редко носят

браслеты и массивные часы, если они не являются частью семейной истории. Лучше вообще ничего, чем подделка. Телефоны они держат в руке, а не на ремешке.

От шеи исходил тонкий, интеллектуальный аромат сухого леса. Ногти коротко подстрижены, лунка матово белела в утреннем свете. Спина прямая. Плечи расслаблены, но разведены.

Он вышел из квартиры. Захлопнул дверь. Замок щелкнул с сухим, породистым звуком. В лифте стояла молодая женщина с собакой лабрадором. Животное обычно прыгало на каждого встречного. Сегодня собака села. Опустила уши. Пес почувствовал изменение иерархии. Перед ним стоял не потенциальный партнер для игр, а неподвижная скала. Женщина нажала кнопку первого этажа, стараясь не встречаться с Артемом глазами.

На улице он поймал такси бизнес-класса. Не стал садиться назад. Сел впереди. — Куда? — спросил водитель, мельком глянув в зеркало заднего вида. Обычно водители болтали, пытались шутить, включали шансон. Этот помолчал секунду дольше обычного. Оценил посадку пассажира, линию плеч, тишину в салоне (Артем не полез сразу в телефон). — Башня «Город Столиц», — спокойно ответил Артем.

По радио играла негромкая классика. Водитель вел машину плавно, тормозил заранее, чтобы пассажира не дергало. Артем смотрел на дорогу сквозь поляризационные очки в роговой оправе (никакого хрома, никакой тонкой металлической проволоки, которая мнется в кармане).

Они проезжали мимо Тверской. Витрины бутиков сливались в одно яркое пятно. Раньше Артем смотрел на них с голодной завистью потребителя. Сейчас он анализировал их как инженер. Посмотрите на манекен вон там. Наклон головы искусственный. Посадка жакета нарушена — плечо едет назад. Дешевка.

Его собственный костюм не стоил миллионов. Но каждая линия в нем была честной. Каждая нить служила функции. Ничего лишнего. Никакого шума.

Когда машина остановилась у подножия сияющего стеклом и сталью небоскреба, Артем достал бумажник. Портмоне из плотной, необработанной кожи растительного дубления. Со временем она покроется патиной, следами его жизни. Богатые любят стареющие натуральные материалы гораздо больше вечного пластика. Он расплатился картой, приложив ее к терминалу легким, небрежным движением кисти.

Выходя из машины, он услышал, как таксист опустил стекло: — Эй, шеф... Простите. Вы же не из этих? Ну, из мажоров? Артем обернулся. Солнце отразилось в линзе его очков. — Я логист, — ответил он. — Просто люблю, когда груз доставлен вовремя и без повреждений. Особенно если этот груз — я сам.

Он вошел в холл башни. Охранники скользнули по нему профессиональным взглядом, проверяющим бейдж которого не было. Бейдж — признак обслуживающего персонала. Отсутствие бейджа при такой уверенности движений ставило систему в тупик. Кто это? Гость совета директоров? Проверяющий из головного офиса? Артем прошел к ресепшену. Виктория-пепел подняла голову от монитора. На секунду — всего на долю секунды — ее пальцы замерли над клавиатурой. Она узнала его не по лицу. По отсутствию визуального мусора. По тому, как тихо стало в пространстве вокруг него.

— Доброе утро, — сказал Артем. Голос сел от волнения, и он позволил ему сесть. Не стал форсировать связки, изображая бас. Легкая хрипотца звучала достовернее. Результат бессонных ночей над учебниками по таможенному праву.

Виктория моргнула, сбрасывая наваждение. — Вас ждут. Лифт направо. Сорок второй этаж.

В кабине лифта зеркала отразили безупречного незнакомца. Артем смотрел на него и впервые за долгие годы не испытывал ненависти к своему отражению. Костюм стоил ему будущего жилья. Но он купил кое-что поважнее фундамента. Он купил дистанцию. Тот самый слой фильтрованного воздуха, который отделяет пыль улицы от ковролина кабинета.

Двери лифта раскрылись. Впереди был коридор, застланный ворсом, в котором тонули шаги. Где-то там, за поворотом, ждал Виктор Степанович.

Артем поправил манжету, обнажив ровно полсантиметра запонки, сделанной из цельного куска перламутра — единственной поблажки, которую позволил себе Ашот, назвав это «тихим акцентом безумия, необходимым каждому мужчине, чтобы не сойти с ума от собственной нормальности».

Он сделал шаг на мягкий ковер. Звук его шагов действительно утонул. Исчез. Осталось только ощущение собственного веса, пульсации крови в шее и абсолютной, звенящей готовности к любому разговору. Война за место под солнцем перешла из фазы уличных боев в фазу высокоточной шахматной партии. И черные фигуры на этой доске начали двигаться именно так, как он запланировал.

Глава 3. Язык тела и уверенность: как войти в комнату, где все богаты

Коридор сорок второго этажа поглощал звуки с пугающей эффективностью. Мягкий ворс ковролина гасил шаги, плотные стеновые панели съедали эхо, а система вентиляции работала на таких низких частотах, что ее гул воспринимался не ушами, а костями — как ровный, успокаивающий пульс здания. Артем сделал еще один шаг от лифта.

Впереди простиралась анфилада стеклянных дверей, за которыми открывались переговорные комнаты размером с его бывшую квартиру. Пространство здесь было спроектировано так, чтобы вызывать трепет у просителей и чувство абсолютного превосходства у хозяев. Высота потолков давила и одновременно возвышала. Свет падал строго вертикально, из скрытых источников под потолком, уничтожая любые тени под глазами, но при этом подчеркивая каждую пору на лице собеседника. В таком освещении невозможно скрыть похмелье или бессонную ночь.

Артем остановился перед дверью кабинета Виктора Степановича. Ручка была тяжелой, холодной, выточенной из цельного куска стали. Он положил на нее ладонь. Металл впитал тепло кожи.

Внутри него билась паника. Не та мелкая, дрожащая тревога безработного, который боится отказа. Это был чистый адреналин хищника, вышедшего на первую охоту. Его новый костюм стоимостью в полпочки сейчас казался картонным. Что, если Ашот Суменович ошибся? Что, если воротник слишком широк для его шеи? Что, если Виктория-пепел просто посмеялась над курьером, решившим поиграть в джентльмена?

«Фальшь», — напомнил он себе слово из краткого содержания главы. Богатые чувствуют фальшь за версту. Она пахнет дешевым кондиционером для белья, спешкой и запахом страха, который выделяется апокриновыми железами, когда человек пытается казаться больше, чем он есть.

Дверь открылась сама. Бесшумно. Словно здание выдохнуло его внутрь.

Виктория сидела за своим столом-стойкой, но теперь она выглядела иначе. Ее пальцы летали по клавиатуре со скоростью пулеметной очереди, однако взгляд, которым она встретила Артема, изменился. Раньше она смотрела сквозь него, как через грязное стекло. Сейчас ее зрачки зафиксировались на узелке его галстука. На идеальной складке платка в нагрудном кармане. На том самом перламутре запонки. Она проводила рекогносцировку.

— Виктор Степанович свободен, — произнесла она, нажимая кнопку селектора. — Но у вас семь минут. Через семь минут начнется конференция с Сингапуром.

Семь минут. Вечность или мгновение.

Кабинет поглотил Артема. Дверь закрылась с глухим пневматическим шипением, отрезая путь к отступлению. Воздух здесь был другим — профильтрованным до состояния дистиллированной воды, охлажденным до восемнадцати градусов. Идеальная температура для работы мозга и сохранения свежести льна.

Виктор Степанович стоял спиной к нему у панорамного окна. Он держал руки в карманах брюк. Поза расслабленная, почти небрежная. Но Артем знал язык тела достаточно хорошо, чтобы прочесть напряжение в линии плеч. Хозяин кабинета сканировал свою территорию — город внизу, свои активы, свое время.

Нельзя суетиться. Главное правило. Суетливость — это признание того, что мир движется быстрее тебя. Что обстоятельства сильнее твоей воли.

Артем не пошел сразу к столу. Он позволил двери закрыться. Сделал паузу ровно в две секунды. За эти две секунды он снял визуальный контроль с себя и переключил его на окружа-

ющую среду. Оценил расстояние до стола (три шага). Оценил положение босса (спина открыта — уязвимость или проверка?). Оценил точку опоры для своего взгляда (линия горизонта за окном).

Он сделал первый шаг. Подошва оксфордов коснулась ковролина беззвучно. Второй шаг. Третий.

Виктор Степанович медленно повернулся. Он не посмотрел на лицо Артема. Его взгляд прошел сложный маршрут: сначала на носки туфель (чистые?), затем на стрелку брюк (острая?), затем на манжету рубашки (запонка на месте?), и только потом поднялся к глазам.

Это был акт доминирования. Он заставил гостя ждать оценки своего внешнего вида. Любой другой человек в ситуации Артема начал бы переминаться с ноги на ногу, поправлять галстук, выдавая микротремор пальцев.

Артем остался неподвижен. Позвоночник прямой, макушка тянется вверх. Вес тела распределен равномерно на обе стопы. Колени мягкие, не заблокированные — готовность к движению в любую секунду, поза фехтовальщика.

— Садись, — кивнул Виктор на кресло для посетителей. Сам он обошел стол и тяжело опустился в свое рабочее седло из темно-коричневой кожи.

Кресло для гостей было глубоким. Опасно глубоким. Классическая ловушка корпоративного психоанализа. Оно располагалось ниже уровня стола хозяина. Как только ты проваливаешься в его кожаные объятия, твои колени оказываются выше таза, плечи округляются, и ты физически смотришь на руководителя снизу вверх, принимая детскую, зависимую позицию.

Артем подошел к креслу. И не стал садиться полностью. Он взял тяжелую деревянную вешалку, на которой висел его пиджак, перекинул его через руку и лишь затем оперся самым краем бедра о край сиденья. Спина осталась идеально прямой. Он нависал над столом, сохраняя высоту обзора.

Виктор Степанович вскинул брови. Впервые за все время знакомства в уголках его глаз обозначились тонкие морщинки — признак сдерживаемого интереса, а не раздражения.

— Оригинально, — пророкотал он. — Большинство падает в эту яму, как в гамак. Боятся показаться невежливыми. А вежливость перед тем, кто может тебя уволить — это форма трусости.

— Я не боюсь увольнения, Виктор Степанович, — голос Артема звучал ровно. Низкий баритон, без попыток форсировать бас. — У меня нет акций вашей компании. Мне нечего терять, кроме времени, которое я трачу не на вашу компанию.

Улыбка. Краткое содержание гласило: «Зрительный контакт, улыбка, спокойствие». Но богатая улыбка — это не растяжение губ до ушей. Это социальный инструмент, скальпель. Широкая улыбка незнакомца считывается как оскал гиены, жаждущей одобрения.

Артем позволил легкой, едва заметной асимметрии появиться в левой части рта. Улыбка одними глазами. Микронапряжение нижнего века. Сигнал: «Я вижу твою игру, старый волк. И мне любопытно».

Виктор перестал постукивать тяжелым золотым Parker по столешнице. Ручка легла на кожу с тихим стуком.

— Смелый, — констатировал он. — Или глупый. Граница между этими понятиями сегодня утром особенно тонка. Итак, логистика. Ты сказал, что знаешь про риски. Расскажи мне риск номер один моего цементного завода прямо сейчас.

Ловушка. Блиц-опрос. Проверка на знание контекста. Если Артем начнет мямлить общие фразы про таможенную или погоду, игра закончится.

Артем перевел взгляд чуть поверх правого плеча Виктора, словно заглядывая в невидимые графики, затем вернул фокус точно в переносицу собеседника. Прямой зрительный контакт глаза в глаза дольше трех секунд вызывает агрессию или сексуальное влечение. Взгляд в

переносицу («третий глаз») транслирует абсолютную честность и концентрацию, не провоцируя территориальную войну.

— Ваш главный риск сейчас сидит не в порту Усть-Луги, — спокойно сказал Артем. — Он находится в Индийском океане. Хуситы атаковали торговые суда в районе пролива Баб-эль-Мандеб. Страховка судов класса Рапатах выросла на триста процентов за неделю. Вы ждете поставку немецкого оборудования для новой печи обжига. Судно вышло из Гамбурга. Маршрут лежит через Суэц. Если оно пойдет вокруг Африки, срок доставки сдвигается на двадцать два дня. Каждый день простоя вашего контракта с застройщиками «Сити-Норд» стоит вам сто восемьдесят миллионов неустойки. Плюс цена самого оборудования, которое гниет в трюме, потому что хуситы требуют досмотра. Вот ваш риск номер один. Вы можете потерять контракт всей жизни не потому, что плохой бизнесмен, а потому что какой-то парень в тапочках решил выстрелить из гранатомета по контейнеру с вашим логотипом.

В кабинете повисла тишина. Было слышно, как далеко внизу сигналият машины. Артем не моргал. Он смотрел в переносицу Виктора Степановича.

Хозяин кабинета откинулся назад. Кожаное кресло издало звук, похожий на вздох. Он сцепил пальцы на затылке, обнажив редкие волосы и дорогую рубашку, которая натянулась на животе.

— Логист, значит, — протянул он совершенно другим тоном. Теперь в нем не было металла. Появилась сталь более высокого качества. — Тапочки... Гранатомет... Живописно. Иннокентий считает, что логистика — это кнопка в компьютере. Нажал — привезли.

Упоминание сына. Тест на лояльность. Желание посмотреть, будет ли гость лебезить перед наследником.

— Иннокентий молод, — ответил Артем, позволяя себе наконец слегка изменить позу. Он глубже опустился в кресло, но не развалился, а сел строго на копчик, сохранив угол в девяносто градусов между спинкой и бедрами. Ноги поставил вместе, щиколотка к щиколотке, носки смотрят прямо. Закрытая, стабильная база. — Ему не приходилось объяснять клиенту, почему груз замороженной рыбы превратился в биологическое оружие из-за сбоя датчика температуры в холодильнике посреди Атлантики.

Смартфон Виктора, лежавший экраном вниз на столе, коротко вспыхнул синим светом. Пришло сообщение. Телефон завибрировал.

Не заглядывать в телефон. Второе главное правило. Заглядывание в экран во время разговора — это буквальный жест разделения внимания. Вы сообщаете собеседнику: «Ты временный. Там важнее». Для человека, чье время стоит тысячи долларов в минуту, это глубочайшее оскорбление.

Телефон продолжал вибрировать. Скорее всего, писал Иннокентий. Или жена, требующая денег на очередную клинику эстетической медицины.

Виктор смотрел на Артема. Ждал, что тот отвлечется. Посмотрит на источник звука. Проявит человеческую слабость любознательности.

Артем выдержал паузу. Он чувствовал, как вибрация телефона отдается в массивном дубовом столе легким гулом, доходящим до ножек кресла. Он смотрел прямо на Виктора. Зрительный контакт должен быть непрерывным, пока говорит собеседник, и прерываться только тогда, когда делаете паузу вы сами, давая мозгу партнера обработать информацию. Когда пауза затянулась слишком долго, Артем медленно, демонстративно медленно перевел взгляд на свои руки, лежащие на подлокотниках. Разжал кулаки. Положил ладони вверх. Жест открытости. Затем снова поднял глаза на шефа.

Виктор проследил за его взглядом, затем посмотрел на свой телефон. На экране светилось уведомление. Он большим пальцем сдвинул шторку, гася экран. Не читая. Просто выключил раздражитель, потому что гость отказался на него реагировать.

Виктор только что проиграл микро-дуэль за внимание в собственном кабинете.

— Рыба, значит, — усмехнулся Виктор. Уголки его глаз собрались сеточкой. — Хорошо. Допустим, я верю, что ты умнее моего смартфона. Чего ты хочешь, Артем? Только не говори про должность начальника отдела. Место занято, а начальник там идиот, которого нельзя трогать из-за связей в министерстве. Мне не нужен твой мозг в отделе логистики. Там болото. Мне нужно решение проблемы этого чертового судна.

Переход к делу. Фаза предложения. Здесь большинство соискателей начинают торговаться. Просить аванс, требовать полномочий, выставлять условия. Это позиция нищего, пришедшего просить милостыню.

Артем плавно наклонился вперед. Локти уперлись в колени. Он сократил дистанцию, вторгаясь в интимную зону Виктора (ближе полутора метров). Это опасно, но в бизнес-переговорах сокращение дистанции после установления доверия переводит диалог из плоскости «начальник-подчиненный» в плоскость «партнер-партнер».

— Я хочу теневой бюджет, — тихо сказал Артем. — Полномочия принимать решения по изменению маршрута в реальном времени без подписи юридического департамента. И премию, привязанную не к моей ставке, а к сумме сэкономленных вами ста восьмидесяти миллионов.

— Наглец, — с одобрением качнул головой Виктор. — Дважды наглец. Сначала отказываешься сесть нормально, теперь лезешь в мой кошелек.

— Я лезу в ваш график прибыли, — поправил Артем. — Кошелек оставьте себе.

Виктор расхохотался. Громко, раскатисто, запрокинув голову. Звук заполнил кабинет, сметая остатки официальной пыли. Это была реакция не на шутку, а на качественный товар. Люди инстинктивно доверяют тем, кто ведет себя дорого. Дороговизна поведения заключается в отсутствии нужды.

Нужда заставляет людей суетиться. Нужда заставляет их заглядывать в телефон каждые тридцать секунд, боясь пропустить важный звонок. Нужда заставляет их улыбаться шире, чем позволяют мышцы лица. Нужда заставляет их соглашаться на невыгодные условия, лишь бы закрепиться.

Артем демонстрировал обратное. Ему было куда вернуться. Да, в однушку в Бибирево. Но это было его пространство. Он пришел сюда не спастись от голода. Он пришел купить билет первого класса, имея деньги в кармане. Эта психологическая разница весит больше, чем графитовый костюм.

— Виктория! — рявкнул Виктор в селектор, отсмеявшись. Голос снова стал твердым. — Подготовь приказ. Назначаю господина Патрушева специальным уполномоченным по кризисному управлению поставками проекта «Сити-Норд». Бюджет оперативных расходов — десять миллионов рублей. Отчетность лично мне раз в сутки. Оклад... — он задумался, глядя на спокойное лицо Артема. — Оклад оставь ему прежний. Чтобы не расслаблялся. Премию выпишешь после разгрузки. Если разгрузит.

— Поняла, — сухо ответила Виктория. Ни удивления, ни вопросов. Машина заработала.

— Свободен, — бросил Виктор, уже беря со стола какую-то папку с документами. Разговор был окончен. Время сингапурской конференции пошло.

Артем встал. На этот раз он воспользовался руками, опираясь на подлокотники — движение уверенного, сильного человека, а не взлетающей птицы. Он одернул пиджак одним резким движением плеч.

— Виктор Степанович, — остановил он босса у самой двери. Тот замер с рукой на ручке, не оборачиваясь. — Насчет судна. Я отправлю его вокруг Африки. Потеря времени окупится сохранностью груза и отсутствием риска захвата. Мы опоздаем на месяц, но сохраним репутацию надежного поставщика. Надежность сейчас дороже скорости.

Пауза. Три секунды.

— Работай, — коротко ответил Виктор, толкая тяжелую дверь.

Когда створки лифта сомкнулись, увозя Артема с сорок второго этажа обратно в серый шум города, его руки впервые задрожали. Но это была не слабость. Это была разрядка конденсатора.

Он вышел из башни. Солнце ударило по глазам. Артем надел темные очки. Очки — великолепный инструмент контроля. Они скрывают направление вашего взгляда. Собеседник никогда не знает, смотрите ли вы на него, сквозь него или изучаете архитектуру зданий. Это дает колоссальное преимущество в чтении чужих эмоций при сокрытии собственных.

На парковке его ждал вызов. Не телефонный — физический. Черный внедорожник Mercedes-Maybach S-класса. Стоящий вторым рядом такой же. Между ними оставался узкий коридор. Из задней двери первого автомобиля выбрался Иннокентий.

Наследник был одет в спортивные штаны премиального бренда и белоснежные кроссовки. Контраст с застегнутым на все пуговицы Артемом был комичным и трагическим одновременно. Иннокентий излучал флюиды скуки и легких наркотиков.

— Ну что, Темыч, — растягивая слова, произнес наследник, облокачиваясь на крышу машины. — По старой дружбе. Батя реально дал тебе бюджет? Десять лямов? На то, чтобы возить цемент?

Иннокентий находился в своей привычной позиции сверху. Он нависал, раскачивался с пятки на носок, засовывал руки глубоко в карманы бесформенных треников. Язык тела подростка, пытающегося выглядеть угрожающе.

Артем остановился. Медленно снял солнцезащитные очки. Сложил их и убрал во внутренний карман пиджака. Каждое движение было плавным, текучим, лишенным нервических рывков.

— Добрый день, Иннокентий Викторович, — сказал он абсолютно ровным голосом. Никакой фамильярности, которую он позволял себе раньше в курилке. Переход на имя-отчество создал ледяную стену.

— Какой я тебе Викторович? — поморщился тот. — Ты чего, офисной пылью надыхался? Расслабься. Скажи лучше, сколько батя тебе пообещал на лапу? Давай поделимся. Тебе пять, мне пять. Я знаю одного парня в Шереметьево, мы оформим фиктивный возврат, никто не узнает. Все равно ведь украдут, зачем напрягать этих черножопых в Африке?

Предложение взятки. Нарушение субординации. Попытка втянуть в коррупционную схему. Классическая ошибка мажора, привыкшего, что правила пишутся не для него.

Артем молчал. Он смотрел на Иннокентия. Применил технику «пустой рамы». Он не выражал осуждения, не качал головой, не делал возмущенное лицо. Его лицо стало пустым холстом. Отсутствие реакции на провокацию часто пугает агрессора больше, чем ответная агрессия. Агрессия требует энергии, драма требует зрителя. Пустота высасывает силы.

— Чего молчишь? — нахмурился Иннокентий. Его уверенность начала давать трещину. Он переступил с ноги на ногу. — Очумел от счастья?

— Я слушаю инструкции Виктора Степановича, — ответил Артем. — В них не было пункта о консультациях с вами.

— Ах ты, крыса канцелярская, — прошипел Иннокентий, выпрямляясь. Цвет ушел с его лица. Он понял, что броня Артема непробиваема. — Ты кем себя возомнил? Я тебя в порошок сотру. Завтра вылетишь отсюда дворником.

Богатые ценят предсказуемость. Истерика — это хаос. Хаос токсичен для капитала.

Артем сделал шаг вперед. Сокращая дистанцию. Теперь они стояли почти вплотную. Иннокентий инстинктивно отшатнулся — нарушив свою линию атаки, потеряв равновесие.

Артем заговорил очень тихо, так, чтобы слышал только наследник: — Если ты скажешь отцу хоть одно слово о нашем разговоре, я переведу те десять миллионов на счет фонда защиты белых медведей. Сегодня же. А сам поеду в Сингапур договариваться о прямых поставках клинкера в обход твоего отца. Старый волк выгонит тебя из прайда быстрее, чем ты успеешь

почистить свои белые кроссовки. Потому что старому волку нужна компания, которая приносит мясо, а не потребляет его. Вопросы есть?

Глаза Иннокентия забежали. Он искал поддержку у охранников. Те смотрели прямо перед собой, профессионально игнорируя конфликт. Они работали на Виктора. Им плевать на чувства наследника, если тот не генерирует угрозу активам.

— Пошел ты, — буркнул Иннокентий, теряя весь гонор. Он развернулся и неловко полез обратно в прохладное нутро Maybach'a. Дверь захлопнулась с мягким гидравлическим шипом.

Артем не смотрел вслед уезжающей машине. Он достал телефон. Обычный смартфон среднего класса. Достал из кармана сложенный лист бумаги — чек из химчистки за чистку старого пальто. Достал ручку Cross (не золотую, но тяжелую, металлическую).

Стоя на асфальте парковки, среди выхлопных газов и запаха мокрой листвы, он начал писать. Первый пункт плана операции «Баб-эль-Мандеб».

Контроль пространства начинается с контроля собственного тела. Если ваши руки не знают, куда деть себя, ваш мозг тоже лихорадочно ищет выход. Покой снаружи рождает покой внутри.

Он убрал ручку. Аккуратно сложил лист вчетверо. Сунул его во внутренний карман пиджака, туда, где сердце. Осанка оставалась безупречной. Взгляд — ясным.

Через час он сидел в маленьком кафе недалеко от офиса. Заказал двойной эспрессо в фарфоровой чашке. Он не притронулся к смартфону, хотя тот разрывался от уведомлений рабочих чатов. Он смотрел в окно на прохожих.

Люди бежали. Кутаясь в дешевые синтепоновые куртки, сжимая в руках бумажные стаканчики с водянистым кофе, постоянно сверяясь с экранами часов. Их тела были напряжены. Плечи подняты к ушам, шеи втянуты в воротники. Они сражались с городом, с временем, с собственной усталостью.

Артем пил крошечными глотками густой, горький напиток. Его плечи были опущены и расслаблены. Стопы плотно стояли на полу. Он никуда не торопился.

Официантка принесла счет. Артем вложил купюру в кожаную книжечку, оставив щедрые чаевые. Ровно, без лишней монеты сверху, показывающей желание похвастаться, и без недостающих копеек, выдающих жадность.

Он встал. Поправил манжеты. Вышел на улицу.

Теперь он знал главную тайну богатых мужчин. Дело не в деньгах. Деньги — это лишь побочный продукт отсутствия физических зажимов в теле. Когда вы перестаете бояться занять место под солнцем, ваше тело начинает занимать его автоматически. Оно перестает извиняться за собственное существование.

И люди вокруг начинают расступаться сами. Не из страха, а из уважения к гравитации, которую создает вокруг себя человек, твердо стоящий на ногах. Впереди был звонок капитану судна, идущего вдоль берегов Сомали. Впереди была Африка, страховка и сто восемьдесят миллионов экономии.

Артем поймал отражение в витрине магазина швейцарских часов. Человек в графитовом костюме кивнул ему. Артем кивнул в ответ. Игра началась всерьез.

Глава 4. Где и как познакомиться: 10 реальных локаций

Точка безубыточности проекта «Сити-Норд» была пройдена на сорок третий день после того, как сухогруз «Мария Синклер» обогнул мыс Доброй Надежды. Артем сидел в своем новом кабинете — стеклянном кубе с видом на Москву-Сити, который Виктор Степанович выделил ему под кризисный штаб. Экономия в сто восемьдесят миллионов долларов закрыла брешь в бюджете застройщика, а лично Артему принесла не только премию, позволившую закрыть дыру в ипотечном фонде, но и нечто более ценное: статус человека, решающего нерешаемые задачи.

Десять миллионов оперативного бюджета он потратил до последнего цента, выкупив страховку от военных рисков по завышенной ставке и фрахтовав скоростной катер для перегрузки части документации в порту Джибути. Он рисковал чужими деньгами так же хладнокровно, как своими собственными нервами.

Теперь перед ним стояла новая логистическая задача, куда сложнее африканских пиратов. Ей было двадцать четыре года, она училась на последнем курсе МГИМО, ее отец владел сетью нефтехранилищ, а сама она носила фамилию Вольская. Лиза. Она появилась в жизни Артема случайно — прислала резюме на позицию ассистента переводчика (на самом деле ей просто нужен был официальный стаж). Когда Артем увидел ее фотографию, прикрепленную к письму, он понял, что его серый графитовый костюм больше не является конечной целью эволюции. Костюм помогал войти в комнату. Но чтобы остаться там навсегда, нужно было владеть самой комнатой.

Лиза выросла в среде, где пыль вытирают трижды в день, а воздух пахнет озоном и редкими породами дерева. Она никогда не ездила в метро. Для нее благотворительный аукцион был способом провести вечер вторника, а бизнес-завтрак — поводом съесть круассан с черной икрой. Чтобы стать частью ее мира, Артему требовалось сменить не только гардероб, но и ареал обитания.

Виктор Степанович вызвал его через неделю после закрытия сделки. В руках шеф держал два билета из плотной тисненой бумаги цвета слоновой кости. — Фонд борьбы с детской лейкемией, — сказал Виктор, постукивая билетами по столу. — Гала-ужин. Суббота. Большой театр. Я занят, лечу в Цюрих открывать счет. Иннокентий... сам понимаешь. Сходи. От имени компании. Купи какую-нибудь уродливую картину за мой счет. Засветись.

Это был пропуск. Первый пункт из списка десяти реальных локаций, которые Артем начал изучать с дотошностью таможенника.

Благотворительные аукционы и гала-ужины. Большой театр в этот вечер напоминал гигантский террариум, освещенный хрустальными люстрами. Партер кишел людьми, чья стоимость исчислялась восьмизначными цифрами. Здесь правила бал концепция «тихого богатства». Никаких платьев в пол со стразами — это удел жен среднего бизнеса и любовниц чиновников. Настоящие деньги носили черный бархат, матовый шелк оттенка горького шоколада и тяжелые бриллианты, которые при искусственном свете поглощали лучи, а не отражали их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.